

А 163.
466.

ТИРАСПОЛЬСКІЕ ПОМѢЩИКИ

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Дневникъ депутата отъ дворянъ Херсонской губ., Тираспольск. уѣз.,
по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

[Чужевидецъ]

О. Ч — ча.

ОДЕССА.

Типографія „Пчелки“ (Пушкинская, 14).

1890.

*) Херсонский губернский комитетъ, по освобожденіи крестьянъ, образовался въ г. Херсонѣ, изъ слѣдующихъ лицъ: председатель—губернскій предводитель дворянства Касиновъ; члены—депутаты отъ уѣздовъ: Александрійскаго: Звенигородскій и Величковскій; херсонскаго: Кепленъ и Вановъ; одесскаго: Кузьменко и Вредихинъ; елисаветградскаго: Эрдели и Соколовъ-Бородкинъ; алаѣвскаго: Крыжановскій и Унтиловъ; тираспольскаго: Чижевичъ и Мазаракій. Кандидаты къ нимъ: Вайдакъ, Рошакowski, Фурманъ, Рашевскій, Камневъ и Кардамычъ. Члены отъ правительства: Ревуцкій и Лореръ. Приглашенные эксперты: Сухомлиновъ, Гулакъ, Коневальскій и Катакази. Дѣлопроизводитель: Зодотницкій. Въ редакціонную комиссію избраны: Чижевичъ, Эрдели, Ревуцкій и Кузьменко.

Дневникъ.

18 ноября 1858 года, дер. Бернадовка. На дворѣ ноябрь. Оттепель рѣшительная. Земля размерзлась и намокла въ полъ-аршина. Я, нищущій ничего, кромѣ семейнаго спокойствія, долженъ въ такое время бросить все: молодую жену, одну, въ скучной деревнѣ, дѣтей, хозяйство, въ эту минуту требующее болѣе всего моего безотлучнаго присутствія и присмотра, и тащиться по убійственно-грязной дорогѣ, имѣя въ перспективѣ убиты четверку лошадей и заморить голодомъ и холодомъ два человѣческихъ существа, сидящія на козлахъ экипажа, а также и собственную персону, о которой въ данное время я впрочемъ менѣе всего помышлялъ.

Все это я долженъ дѣлать для другихъ, за другихъ и по желанію другихъ. Въ будущемъ, за труды свои предвидятся въ награду только непріятности со всѣхъ сторонъ. Задача моя и моихъ товарищей по крестьянскому вопросу—угодить правительству, дворянству, и вмѣстѣ съ этимъ улучшить быть крестьянъ. Все это труднѣе кажется задачи о волкѣ, козѣ и свѣѣ.

Первый переѣздъ совершенъ довольно благополучно; свѣжія лошадки, подготовленныя ко всѣмъ неперіятностямъ осенняго пути, дружно двигали фаэтонъ въ черной массѣ грязи. Но не долго онѣ могли гордиться своей удачею; наши дороги въ распутицу могутъ умѣрить всякаго рода пылъ. Лошадки мои совершенно, убѣдились въ этомъ на десятой верстѣ. Мнѣ припла въ голову мысль о несправедливости упрековъ, посылаемыхъ чиновникамъ уѣздной полиціи, въ медленности исполненія распоряженій начальства по нашему краю. И такъ, съ помощью словесныхъ понуканій кучера, подарѣваемыхъ помахиваніемъ кнута, лошадки промчали меня 25 верстъ въ продолженіе 5 часовъ и, наконецъ, мой экипажъ остановился у перваго пункта моего путешествія, дома нашего исправника, помѣщика По—скаго.

Здѣсь, въ дымной атмосферѣ кабинета я постепенно началъ различать фizioноміи помѣщиковъ-сосѣдей, съѣхавшихся побесѣдовать со мной и кстати посовѣтоваться на счетъ со-

ставленія отвѣтовъ на вопросы печатной программы по крестьянскому дѣлу.

Толкованія начались за стаканомъ чаю и папирасой. Какъ ни скучно повторять одно и то-же въ тысячный разъ, но такова была моя обязанность. Дворянство, избравъ депутата и назначивъ ему пока на словахъ незначительное вознагражденіе, требуетъ за то, чтобы онъ говорилъ все, что знаетъ по дѣлу и даже самъ сочинялъ и писалъ отвѣты на программахъ. Кончилисъ тѣмъ, что къ ужину горло мое устало, голосъ охрипъ, разболѣлась голова, глаза покраснѣлись отъ табачнаго дыма, и я съ истиннымъ удовольствіемъ пожелалъ покойной ночи моимъ любознательнымъ собесѣдникамъ. Хозяинъ дома, со всею любезностью и радушіемъ русскаго помѣщика, предложилъ мнѣ лучшіе покои своего дома—комнату отсутствующей дочери, премиленнойкой дѣвицы 16 лѣтъ. Комната эта имѣла дверь съ разноцвѣтными стеклами выходящую въ оранжерею, изобилующую прекрасными растеніями и цвѣтами. Подобныя снхожденія дѣлаются только женатому гостю и доброй нравственности, такъ объяснилъ мнѣ хозяинъ на вопросъ мой, не разсердится-ли дочь его за уступку мнѣ ея комнаты и даже кровати. Сонъ мой былъ тихъ и пріятенъ, освѣжаемый дѣвственнымъ благоуханіемъ хорошенкой комнаты. Зато пробужденіе повлекло за собою новыя труды на поприщѣ толкованія объ одномъ и томъ-же. Наговорившись, наѣвшись и напившись вдоволь, мы разстались, кто по домамъ, а я въ дальнѣйшее плаваніе по болотамъ Тираспольскаго уѣзда.

19 ноября. Село Горьего, принадлежащее многимъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ. Такъ сказано было на планѣ о томъ селеніи, къ которому я притащился послѣ двухчасовой ѣзды. „Стои возлѣ трактира! Вызови кого-нибудь“—обратился я къ лакею. Является мальчикъ, лѣтъ 15-ти, съ шапкой на бекренъ, видимо безъ малѣйшаго намѣренія снять ее предъ кокардой и колокольчикомъ. Вслѣдъ за нимъ выбѣжала изъ трактира пьяная баба съ визгомъ и ругательствами, требуя отъ меня удовлетворенія въ причиняемыхъ ей кѣмъ-то обидахъ.

— Чья деревня? спрашиваю неприятного мальчика. — А которая? отвечает онъ съ нахальнымъ видомъ. „Вѣроятно помѣщичій сыночекъ“, подумалъ я. — Да хоть эта? — Эта? Эта Левъ Лукіановича. — А фамилія какъ? — Не знаю. — Гдѣ же его домъ? — А вонъ, вонъ на пригоркѣ. Высоко, подумалъ я. — А вотъ эта хата чья? — Это домъ помѣщика Петра Лукіановича. — Ну, а фамилія какъ? — Не знаю. — Да кто-же наконецъ эти помѣщики, закричалъ я, выходя изъ терпѣнія, рассказывай получше, рыжий поросенокъ, не то „чуба натру“, понимаешь? — А вотъ, ваше высокоблагородіе, заговорилъ мальчуганъ вѣжливымъ тономъ, тутъ есть Петро Лукіановичъ и Левъ Лукіановичъ; такъ Левъ Лукіановичъ отдѣлилъ себѣ 50 десятинъ и сидитъ вонъ подъ горою, а Петро Лукіановичъ себѣ тоже отдѣлился и сидитъ въ этой хатѣ, а можетъ и не тутъ. Чи тутъ, чи тамъ, ей Богу не знаю! — Здѣсь, кажется, ихъ слишкомъ много, подумалъ я, всѣхъ не разныщу сегодня, а дѣло идетъ къ вечеру; ночлега здѣсь мнѣ не будетъ, — пошелъ дальше!

Проѣхавъ съ версту, вновь встрѣтилъ деревушку, нѣчто въ родѣ помѣщичьяго дома, вовсе не показанную на моемъ планѣ. Хотя дождикъ пустился сильнѣе и дорога становилась еще хуже, а до ночлега далеко, тѣмъ не менѣе совѣсть не дозволяла мнѣ оставить безъ вниманія сельцо, участъ котораго, можетъ быть, пострадаетъ отъ моего невниманія и лѣни. Нечего дѣлать, стой и здѣсь? — Кто живетъ, спрашиваю старика, сидящаго подъ избой. — Помѣщика Д—ска. Смотрю на планъ, смотрю въ списокъ — нѣтъ нигдѣ и поминку объ этой деревнѣ и помѣщичѣ. Рѣшительно нельзя оставить безъ вниманія! Вхожу въ домъ и встрѣчаю въ сѣняхъ испуганное семейство свиней, которыя чуть не обили меня съ ногъ. Послѣ такого вступленія я смѣло обратился къ грязной старухѣ, страпавшей что-то въ печи, съ вопросомъ, не она-ли помѣщица Д—я? — А вотъ сейчасъ, отвѣчала старуха и, зайдя за печь, вышла оттуда, набросивъ на плечи нѣчто въ родѣ шали. — Вотъ я, что вамъ угодно? Невольнoспросилъ я еще разъ: — Точно-ли вы помѣщица Д—я, и сколько у васъ крѣпостныхъ? — Я титулярная совѣтни-

ца Д—я и владѣю 19-ю душами крестьянъ мужскаго пола, въ чемъ удостоверяю васъ сейчасъ ревизскою сказкою. Сказку достала она тутъ-же изъ сундука. Посмотрѣлъ я — точно такъ. — Какъ-же это васъ пропустили въ спискахъ по уѣзду? Программы вамъ не прислали? — Нѣтъ, не знаю. — Вѣдь вы бы остались единственною во всей Россіи владѣтельницацею крѣпостныхъ душъ! — Такъ что-жъ такое? отвѣчала помѣщица, видимо обидѣвшись. — Извольте получить отъ меня программу, сказалъ я, и распишитесь вотъ здѣсь въ полученіи ея. — Я писать не умѣю. — Ну, нацарапайте хоть что-нибудь: крестикъ или бубликъ, сказала я, подавая ей свое перо и чернильницу. Владѣлица 19 душъ мужскаго и столькихъ-же женскаго пола, скорчила всѣми пятью пальцами необыкновенную фигурку и при помощи пера начертала въ книжкѣ вмѣсто фамиліи своей, нѣчто въ родѣ узора для воротничка. Помѣщица не только не пригласила меня отдохнуть или присѣсть, а видимо ждала съ нетерпѣніемъ моего ухода, не смотря на то, что на дворѣ лилъ дождь и время было обѣденное. Зато и я, безъ церемоній, надѣвъ фуражку, поручилъ помѣщичѣ снести мой портфель къ экипажу. Когда я сидѣлъ уже въ фаязовѣ, на крыльцѣ дома появилась барышня, вѣроятно дочь помѣщицы, въ красномъ платьицѣ и желтомъ платкѣ на головѣ. Замѣтивъ, что я смотрю на нее, барышня не замедлила поскорѣе раскрыть платокъ и показать прохоженъское свѣжее личико.

Деревня *Цыбулевка*. Помѣщика генерала Шев—ча. Привалъ и ночлегъ. Вечеръ провелъ въ составленіи той-же программы. Генералъ былъ очень любезенъ и гостеприименъ.

На другой день утромъ показалъ мнѣ великолѣпно отдѣланный новый домъ свой и винокуренный заводъ. На зданіи красуется вызолоченный гербъ владѣльца, передъ которымъ проѣзжающіе мужики снимаютъ шапки и крестятся, принимая его за икону. Вообще видъ всего имѣнія весьма утѣшительный, особенно послѣ имѣній въ родѣ — помѣщичьи Д—я.

Погода становилась все хуже и хуже; грязь невылазная. Въ ближайшей деревнѣ я принужденъ былъ припречь

еще пару лошадей. Проѣхавъ не болѣе полу-версты, приходилось останавливаться и очищать колеса отъ налипшей грязи, достигавшей крыльевъ фаэтона. Импровизированный фогрейторъ, по ремеслу плотникъ, уроженецъ Орловской губерніи, потѣшалъ насъ все время своеобразнымъ понукиваніемъ лошадей. Послѣ каждой фразы, незнакомой моимъ хохламъ, кучеръ и лакей перемигивались и повторяли слова великоросса (капапа). О! живѣя! Дружина! Эй, невѣжи! Наконецъ они громко расхохотались при болѣе выразительномъ словѣ, выходящемъ изъ дозволенныхъ цензурою. Я, между тѣмъ, пользуясь покойнымъ положеніемъ при тихой ѣздѣ по мягкой грязи, чертилъ разные планы построекъ и т. п. и такимъ образомъ дотащился до 2 пункта и привала—становой квартиры.

Прибывъ къ дому, я посылаю спросить, есть-ли становой приставъ. Человѣкъ мой, пробывши тамъ нѣсколько минутъ, вернулся съ отвѣтомъ, что домъ пустъ, за исключеніемъ одной комнаты, въ которой спитъ какой-то господинъ, не пожелавшій дать удовлетворительнаго отвѣта. Отправляюсь самъ, пройдя двѣ пустыя комнаты, нахожу въ третьей, тоже пустой, за исключеніемъ одной скамьи и стула, лежащаго на скамьѣ господинъ, а возлѣ него, на стулѣ, пустой штофъ отъ водки и платье. Самъ спящій, весьма тучный и лысый мужчина, съ краснымъ лицомъ, лежалъ, какъ новорожденный, прикрывшись ветхимъ маленькимъ одѣяльцемъ. Озадаченный моимъ появленіемъ, онъ еще болѣе покраснѣлъ и никакъ не могъ объяснить мнѣ, кто онъ и что здѣсь дѣлаетъ; сказалъ однако, что становой приставъ выбылъ изъ этого стана и потому выѣхалъ изъ дома. Послѣ этого заявленія загадочный господинъ натянулъ одѣяльце на голову, забывая о прочихъ не благородныхъ частяхъ тѣла. Это было вѣжливымъ намекомъ, что разговоръ нашъ долженъ прекратиться. Пришлось ѣхать въ экономическій домъ къ управляющему. Самъ помѣщикъ, графъ Понятовскій, не живетъ въ этомъ имѣніи. Управляющій, полякъ, встрѣтилъ меня съ извиненіемъ, что по болѣзни онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ; однако, черезъ нѣсколько времени пере-

одѣлся въ коричневый сюртукъ и ботфорты. Вся миниатюрная фигурка его, въ парикѣ и съ закрученными усами, имѣла претензію на молодечество, претензію, столь обыкновенную въ его соотечественникахъ. Вскорѣ появилось и семейство управляющаго, состоявшее изъ двухъ, зрѣлаго возраста, дѣвицъ и еще третьей особы, женскаго пола, которую я по неосторожности принялъ за жену хозяина и сейчасъ же получилъ въ отвѣтъ холодное замѣчаніе, что онъ—де вдовъ, а эта особа—его дальняя родственница и только другъ дома. Немало удивило меня весьма порядочное образование, какое получили дочери управляющаго, къ стыду многихъ барышень-помѣщицъ, прозябающихъ въ своихъ мелкопомѣстьяхъ. Оказалось, что картинная галлерей живописи, украшавшая одну изъ комнатъ, произведеніе старшей дочери хозяина. Живопись была довольно удачная, особенно для дѣвицы и дочери управляющаго, живущаго въ деревнѣ. Сама дѣвица-художница довольно правильно по-французски объясняла мнѣ содержаніе картинъ, затрудняясь однако объяснить почему портретъ Императора Александра Николаевича окруженъ портретами пригожихъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Чтобы тѣмъ нибудь оправдать ея идею, я напелъ ее весьма удачною и объясняющею тѣмъ, что Императоръ нашъ—освободитель крестьянъ отъ рабства; слѣдовательно крестьянскія дѣвушки, окружающія портретъ, выражаютъ собою, какъ-бы, благодарность отъ всего сословія.

По причинѣ темноты, грязной дороги и дальняго переѣзда я провелъ ночь у гостепріимнаго управляющаго и выѣхалъ на другой день утромъ, вмѣстѣ съ уѣзднымъ докторомъ, прибывшимъ туда наканунѣ изъ уѣзднаго города для осмотра мертваго тѣла, неизвѣстно кому принадлежавшаго, найденнаго на дорогѣ, и по обыкновенію, въ ожиданіи прибытія врача, разложившагося до неузнаваемости. По случаю тумана и проселочной дороги, только благодаря компасу и плану, дотащились мы кое-какъ до третьяго и лучшаго пункта моего путешествія—имѣнія дяди моего Каръча. Здѣсь я намѣренъ былъ рѣшительно поотдохнуть и дожидаться сколько ни-

будь лучшей погоды для продолженія моихъ странствованій. Ожиданія мои были напрасны. Погода, вѣроятно въ угожденіе бердичевскому календарю, начала оправдывать его предсказанія. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Дорога становилась еще хуже. Тогда рѣшился я пригласить письменно къ себѣ содѣй и помѣщиковъ лично пожаловать или прислать свои программы съ отвѣтами, что было бы еще лучше. Понятно, что въ подобную погоду большинство предпочло прислать программы и только немногіе пріѣхали сами, чтобы заставить депутата поразсказать имъ подробности дѣла и самимъ высказать нѣкоторыя задушевные мысли по знаменитому вопросу. Между присланными программами съ отвѣтами на нихъ, попадались такіа оригинальности, которыя считаю интереснымъ изложить въ подлинникѣ. Помѣщикъ Твардовскій, вѣроятно потомукъ героя поэмы Мицкевича, извѣстенъ былъ въ уѣздѣ своимъ необузданнымъ характеромъ. Между прочимъ, рассказывали, что онъ высѣкъ однажды становаго пристава, пріѣхавшаго къ нему по дѣлу; а какого-то военнаго доктора, заставъ съ женою своею въ интимномъ положеніи, усадилъ связаннаго въ сани и отвезъ въ степь, гдѣ и бросилъ въ снѣгу, предварительно поколовъ ему животъ шпагою. Въ присланной отъ него программѣ я нашелъ слѣдующее. На вопросъ, имѣется-ли планъ и межевая книга—отвѣтъ: плана и межевой книги не выслано еще изъ Херсона, хотя, какъ видно изъ дѣлъ, деньги за

нихъ взысканы 50 лѣтъ тому назадъ. На вопросъ: какова ходячая цѣна десятины земли (въ программѣ была опечатка, вмѣсто ходячая—*ходящая*). Отвѣтъ: ходящихъ десятинъ пока не имѣется, это будетъ зависѣть отъ изобрѣтателя. На вопросъ: какимъ промысломъ занимаются крестьяне, отвѣтъ: преимущественно воровствомъ и пьянствомъ. Насколько развита грамотность? На грамотность обращено особое вниманіе; въ доказательство — 8-лѣтній лакей Степка, который уже свободно читаетъ. Каковы урожаи, качество земли и доходность имѣнія? Урожаи и земля ничего себѣ, да суслики (овражки) и полиція сильно обижаютъ—все уничтожаютъ. Другая помѣщица, вдова X—а, оставила всѣ вопросы программы безъ отвѣта, а только въ концѣ написала: *якъ громада (общество), такъ и баба!*

Собравшимися помѣщиками высказано было не мало дѣльнаго, но еще болѣе безтолковщины. Замѣчательно, какъ скоро могутъ измѣниться вѣковыя привычки. Предложи кто-нибудь три или четыре года тому назадъ любому изъ помѣщиковъ отпустить своихъ крестьянъ на волю, безъ выкупа, то его сочли-бы умопомѣшаннымъ.

А теперь это не только никого не удивляетъ, а напротивъ, помѣщики въ отчаяніи отъ того, что крѣпостные ихъ отказываются отъ полученія свободы.

При обсужденіи вопроса о количествѣ семейнаго надѣла, необходимаго для существованія крестьянской семьи, пробуждать потребности такой семьи,

говоря объ одѣяніи, предполагались для мальчиковъ старше 7 лѣтъ—*суконные штаны*. Противу этого сильно возставалъ одинъ закоренѣлый крѣпостникъ, утверждая, что это излишняя роскошь и даже вредно для здоровья. Онъ кричалъ, повторяя нѣсколько разъ: не надо штановъ. Штанами дитя только потретъ себѣ *тѣло*.. не надо!

Какъ ни пріятно было мнѣ гостить у дядюшки, съ которымъ давно не видался, какъ ни дурна была погода—а дѣлать нечего, надо продолжать странствованія. Хочется поскорѣе вернуться домой, а чтобы достичь этой обѣтованной страны, надо еще изколесить вдоль и поперекъ разныя, неприличныхъ названій, урочища и рѣчки, составляющія 1-й станъ, съ позволенія сказать (такъ было принято говорить въ то время), Тираспольскаго уѣзда.

26 ноября, вторникъ. Ъзда происходитъ по долинѣ рѣчки Кучургана. Къ счастью, песчаный грунтъ дороги дозволяетъ ѣхать рысью, не смотря на страшную слякоть и непрерывающій дождь. Повторяются тѣ-же сцены съ мелкопомѣстными: здѣсь не добьешься, гдѣ домъ помѣщичій, тамъ нѣтъ вовсе помѣщика и неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Въ большихъ имѣніяхъ помѣщики не живутъ, уѣхали въ городъ, да и программы извоили взять съ собою; нечего дѣлать—пошелъ дальше! Добился, наконецъ, де нѣкоего помѣщика, хотя и маленькаго, но сколько-нибудь порядочнаго. Назначивъ здѣсь на завтра сборный пунктъ и закусивъ разныхъ солений и маринадовъ, вред-

ныхъ для моего здоровья, я поѣхалъ дальше, къ послѣднему имѣнію по рѣкѣ Кучургану.

Помѣщичій домъ оказался весьма приличнымъ. Передняя въ родѣ оранжереи. Въ залѣ фортепіано. Все это предвѣщало уже нѣкотораго рода цивилизацію. Но, увы! деревенщина проявилась тутъ-же въ видѣ разложечнаго на столѣ гостинной крахмала для сушки. До чего ко всему можно привыкнуть! Глазъ хозяйки дома, весьма порядочной и образованной дамы, не замѣчалъ, кажется, вовсе въ этомъ отступленія отъ общепринятыхъ приличій. Впрочемъ я впоследствии воспользовался этимъ и во время писанія программы употреблялъ крахмалъ вмѣсто песку для засыпки чернилъ. Фортепіано также разочаровало меня своими убійственно разстроенными звуками. Настройщикъ здѣсь появляется, кажется, одновременно съ кометами, а запасныхъ струнъ вовсе не имѣется. Опять привычки. Дочь хозяйки преспокойно разыгрывала на этомъ инструментѣ, не замѣчая страшныхъ диссонансовъ. Кромѣ этихъ мелкихъ недостатковъ, все прочее было весьма хорошо. Хозяйка, хотя и не молодая, но весьма любезная. Постель прекрасная. Я выспался на славу и утромъ въ благодарность, написавъ всѣ отвѣты по пограммѣ, уѣхалъ обратно, ко вчерашнему помѣщику, у котораго назначилъ сборъ сосѣдей. Нѣкоторые пріѣхали сами, другіе прислали только свои программы. Одинъ помѣщикъ, полковникъ временъ императора Николая, стоя на вытяжку, началъ ра-

портовать что-то скороговоркою, но скоро зарепортовался и окончил анекдотомъ своего времени, который я не совсѣмъ понималъ. Вообще онъ готовъ былъ исполнить все, что прикажетъ начальство. Хозяинъ высказалъ много гостепріимности и любезности угостилъ меня даже въ 10 час. утра супомъ, узнавъ, что я не переносу соленыхъ закусокъ. Въ одномъ упорствовалъ любезный хозяинъ. Это—въ нежеланіи показатъ намъ свою хорошенькую жену. Всякій разъ, когда растворялась немного дверь изъ сосѣдней комнаты, онъ опрометью бросался заворать ее. Этимъ посѣщеніемъ окончилась поѣздка моя по р. Кучургану. Переночевавъ у дяди, на слѣдующее утро отправляюсь далѣе въ путь.

За Кучурганомъ слѣдуетъ урочище *Свиная балка*. Название весьма неприличное и вовсе не подходящее къ ея обитателямъ, называемымъ *Свинобалками*. Напротивъ того, въ Свиной балкѣ я посѣтилъ два помѣщичьихъ дома изъ лучшихъ. Въ первомъ изъ нихъ, генерала Ги—е, я очень пріятно провелъ время въ обществѣ двухъ сестеръ, прехорошенькихъ и молодыхъ дѣвицъ, и ихъ почтенной матушки. Одна изъ сестеръ, дѣвица 16 лѣтъ, съ бѣлыми какъ лѣнъ волосами и такимъ же личикомъ, напоминала собою напудренныхъ красавицъ временъ Людовика XIV, какія встрѣчаются въ кипсекахъ. Здѣсь фортепіано оказалось уже неразстроеннымъ. Въ слѣдующемъ домѣ тоже засталъ только дамъ, а потому самъ написалъ имъ программу, и затѣмъ поѣхалъ ночевать къ моему знакомому, управляющему графа П—го.

Слѣдующій день пріѣзжаю въ знакомую уже деревню генерала П—ча. Здѣсь я назначилъ сборный пунктъ для мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ села Бр—и. Самому отыскивать дома ихъ было почти невозможно, поэтому я, по совѣту исправника, послалъ за сотскимъ, простымъ мужикомъ, и приказалъ обойти всѣхъ помѣщиковъ и пригласить ихъ явиться ко мнѣ въ дер. Цыб—ку. Сотскій въ точности исполнилъ мое приказаніе и привелъ цѣлую команду помѣщиковъ-дворянъ: кто въ повозкѣ, кто верхомъ, остальные пѣшкомъ. Жалкій видъ представляли эти бѣдные люди, обременен-

ные званіемъ дворянъ - помѣщиковъ. Наружностью они почти не отличались отъ своихъ крѣпостныхъ, и притомъ многіе оказались не трезваго поведенія. Сидя въ кабацѣ, за столомъ, рядомъ съ своими подданными, они щегольствовали, убѣждая ихъ въ своемъ преимуществѣ. Мужики отвѣчаютъ: „Бѣда намъ отъ васъ, пановъ; уже черезъ васъ и мѣста за столомъ въ кабацѣ не добьемся“. Явились ко мнѣ эти господа, какъ къ начальнику, стоя на вытяжку, и никто не согласился сѣсть, не смотря на мое приглашеніе. Замѣчательно, что эти бѣдняки безъ всякаго сожалѣнія расстаются съ своимъ крѣпостнымъ правомъ и цѣнятъ усадьбы своихъ крестьянъ несравненно дешевле, чѣмъ богатые помѣщики. Каково было положеніе этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, можно судить изъ слѣдующаго, слышаннаго мною здѣсь, разсказа.

Мелкопомѣстные дворяне, ничѣмъ почти не отличающіе отъ своихъ крѣпостныхъ отбывали вмѣстѣ съ ними и натуральныя повинности. Однажды, по случаю перехода войскъ, потребовалось исправленіе плотины, для чего исправникомъ былъ сдѣланъ нарядъ изъ села Бр—и. Исправникъ, пріѣхавъ на мѣсто работъ, обратилъ вниманіе на лѣность одного изъ рабочихъ и выругалъ его нецензурными словами. Рабочій обидѣлся и отвѣчалъ тѣмъ-же. Тогда исправникъ, долго не размышляя, приказалъ другимъ рабочимъ тутъ же разложить его на землѣ и влѣпилъ ему 25 ударовъ плетью. По окончаніи этой операціи, рабочій, приводя въ порядокъ свой туалетъ, заявилъ исправнику, что онъ дворянинъ, а потому за такой поступокъ противозаконный подаетъ на него, исправника, жалобу. Тогда только исправникъ спохватился, что сдѣлалъ глупость, но уже было поздно; впоследствии, онъ за этотъ поступокъ былъ отданъ подъ судъ.

Принявъ всѣ программы и распустивъ толпу помѣщиковъ по домамъ, я провелъ вечеръ въ пріятной бесѣдѣ съ генераломъ и сосѣдомъ по имѣнію Пш—мъ, моимъ лицейскимъ товарищемъ, посѣщившимъ пріѣхать, чтобы повидаться со мною. Товарищъ мой, отставной уланскій офицеръ, обдумываетъ проектъ фабрикаціи крах-

мала, находя почему-то этот промысел весьма выгодным, особенно ввиду соседства винокуренного завода генерала III., которому онъ можетъ сбывать выгодно остающуюся отъ крахмала гущу.

Отъ крахмала перешли мы къ венгерской кампаніи (1849 г.). Генералъ III.—чѣ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей и побѣдителемъ знаменитаго венгерскаго полководца—Бама. Товарищъ мой служилъ подъ его командою. Рассказы были очень занимательны и тянулись за полночь. Затѣмъ товарищъ мой распрошася и поплелся въ свою деревушку, запасшись фонаремъ и проводникомъ.

Утро 30 ноября. Ташусъ по мерзлой дорогѣ. Всякая кочка грязи отъ мороза превратилась въ массу кремнистой породы, а потому можно себѣ вообразить удобство ѣзды по этой почвѣ и положеніе бѣдныхъ лошадей, ступающихъ по этимъ кочкамъ. Окружающая картина была весьма оригинальна. Все видимое пространство степи раздѣлилось на двѣ части. Одна половина по правую сторону дороги была покрыта снѣгомъ, а другая оставалась черною. Хотя понятно, что дождь и снѣгъ не всегда падаютъ повсемѣстно и есть предѣльная точка этихъ осадковъ, тѣмъ не менѣе, рѣдко случается попасть на эту полосу, оказавшуюся именно по самой дорогѣ, по которой мнѣ пришлось ѣхать. Налобовавшись вдоволь этимъ необыкновеннымъ видомъ, я спустился съ крутой горы и взорамъ моимъ представилась долина рѣки Сред. Куяльникъ, устьянная деревушками разной величины. По обыкновенію, отправляюсь къ болѣе крупному владѣльцу и оттуда посылаю приглашенія остальнымъ пожаловать или прислать свои программы для подписи. Операция эта опять производится посредствомъ сотскаго, а я, въ ожиданіи помѣщиковъ или программъ безъ помѣщиковъ, стараюсь ознакомиться со всѣмъ, меня окружающимъ, такъ какъ оно оказалось весьма оригинально и достойно внимательнаго наблюденія. Мнѣ уже прежде говорили, что помѣщикъ Воробьевъ, у котораго въ домѣ находится въ эту минуту, замѣчательный оригиналъ и выѣстъ съ тѣмъ не очень гостеприименъ и даже скупъ. Г. Во-

робьевъ одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ околотеѣ, холостякъ, 72 лѣтъ. Засталъ я его въ первой комнатѣ весьма скромнаго домика лежащимъ на жесткомъ диванѣ, въ старомъ халатѣ, подбитомъ овчиной, въ теплыхъ шерстяныхъ чулкахъ до коленъ и какихъ-то башмакахъ или сандаляхъ, повидимому, не требующихъ употребленія ваксы. Лицо старика довольно правильное и выразительное. Бѣлые, какъ снѣгъ, волосы на лбу подстрижены, а сзади отпущены и выются по плечамъ. Усы бѣдые, длинные, военной формы. Убранство комнатъ самое простое. Лакей въ нагольномъ тулупѣ, небритый мужикъ, котораго я принялъ сначала за временно тутъ случившагося крестьянина, безцеремонно запуская грязные пальцы въ сахарницу и разливалъ намъ чай. Первое впечатлѣніе вполне оправдывало ходившіе слухи объ этомъ помѣщикѣ. Поэтому я приготовился къ посту и почувствовалъ даже небывалый аппетитъ. Мало по малу, однако, первое впечатлѣніе стало исчезать, вопервыхъ, послѣ приглашенія закусить, и вовторыхъ, послѣ обнаруженія мною качествъ самой закуски, совершенно соответствующей моему желудку, не терпящему яствъ, утонченныхъ пріяностей и т. п. На счетъ горячихъ напитковъ мы были одного мнѣнія съ хозяиномъ. Тогда я понялъ, почему пробѣжающимъ чинамъ полиціи и другихъ вѣдомствъ такъ не нравятся угощенія моего Амфитріона, объявившаго мнѣ съ перваго слова, что горячіе напитки не въ его системѣ. Удовлетворивъ голодъ и закуливъ папиросу, я сталъ внимательно прислушиваться къ рассказамъ старика, которые во время ѣды служили мнѣ монотоннымъ аккомпаниментомъ. Личность хозяина дома была типичная, достойная изученія; и будь на моемъ мѣстѣ Самойловъ или Шумскій, то навѣрное столичная публика вскорѣ восхищалась-бы на сценѣ новымъ типомъ въ роляхъ старосвѣтскаго помѣщика или дядюшки болтушки. „Ваше имя отчество“ спросилъ старикъ. „И такъ, видите-ли Осипъ Осиповичъ, у каждого человека есть своя система, такъ и у меня своя система. Напримѣрича, вотъ этотъ, что пріѣхалъ сейчасъ мужчина,

престѣнный человѣкъ, напитокъ не употребляетъ и женатъ на моей крестницѣ. Былъ на-дняхъ у меня становой приставъ Х. и говорить, что продаетъ 150 десятинъ земли съ домикомъ, тамъ-же рѣчка и садикъ хорошій. Слово за слово, туда сюда, покупаю я все это у него за три тысячи рублей и дарю крестницѣ моей. Вотъ моя система. А мужу крестницы говорю: Ты хотя и простой человѣкъ, но напиткамъ не предаешься, а потому не знакомься съ сосѣдями помѣщиками, потому ихъ система другая. А вотъ эти сосѣди, мелкопомѣстные, всѣ почти мои крестники и получаютъ съ почты письма и посылки на мое имя. Прочитайте пожалуйста, что пишетъ этотъ мальчишка изъ Москвы къ своей матери. Не стѣсняясь, распечатайте, это моя система. А! деньги издержалъ и еще немного осталось, да это нужно ему на театры и проч. вотъ видите, система какая. Ну-съ, а въ этомъ имѣнии, что видно направо, теперь нѣтъ настоящаго помѣщика. И отецъ его былъ несвойственный человѣкъ, а *Костя*, который теперь бѣгаетъ по Одессѣ зимою въ оборванномъ фракѣ поверхъ сюртука и въ галошахъ вмѣсто сапогъ, продалъ за копѣйку такое прекрасное имѣніе! и чортъ знаетъ—куда онъ деньги дѣвалъ? Въ карты не игралъ, напиткамъ не предавался, а только зачитывался. Видно, переучили его. Система его была такая. Посылаетъ, на примѣръ, лавке купить какой-либо свойственной зелени или фруктовъ. Сколько заплатилъ за огурцы — спрашиваетъ?—По грошу десятокъ.—Пошелъ вонъ, болванъ, купи по рублю десятокъ. Приѣзжаетъ ко мнѣ въ другой разъ человѣкъ покупать зелень и умоляетъ, чтобы взять за нее подороже, а то баринъ трескать не захочетъ. Вотъ система какая! Подъ конецъ, *Костя* сталъ совсѣмъ *несвойственнымъ*. Приѣзжаетъ къ нему въ гости помѣщикъ Каръ-ъ. Входитъ въ залу и видитъ посреди гробъ, а въ гробу лежитъ покойникъ; горятъ свѣчи, и дьячокъ читаетъ псалтырь. Тронутый этимъ зрѣлищемъ К—ъ творитъ крестное знаменіе и приближается къ усопшему. Вдругъ изъ гроба поднимается мертвецъ—самъ *Костя*, и говорить, какъ ни въ чемъ не бывало: „здравствуйте,

Сергѣй Дмитричъ, какъ ваше здоровье, садитесь, пожалуйста! Что-жъ вамъ вдумалось, Константинъ Петровичъ, Богъ съ вами—восклицаетъ испуганный сосѣдъ.—А что-жъ, Сергѣй Дмитричъ, надо приучать себя во всему, это очень оригинально. Но каковы кнзвѣ Эстергази? вотъ утонченный шикъ. Устроилъ себѣ золотыя шины на колесахъ экипажа! Молодецъ! завидую! И еще хохочетъ бестія—извините за несвойственное выраженіе. Былъ еще здѣсь помѣщикъ Буйновскій, ну, разумѣется и система его была такая“ и т. д.

Старичекъ однако смекнулъ, что я записываю его слова, и сказалъ: что вы это тамъ записываете? Я отвѣчалъ, что пишу замѣтку по крестьянскому дѣлу. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ стараго холостяка, я понавѣлъ его. Старосвѣтскій помѣщикъ, врагъ всякихъ нововведеній и крѣпкихъ напитковъ, онъ сидитъ безвыѣздно дома, копить денежки, не обижая однако своихъ крестьянъ, а напротивъ того, въ своихъ либеральныхъ мѣрахъ даже по новому вопросу превзошелъ всѣхъ проповѣдниковъ прогресса и цивилизаціи—безъ помѣстій. Копить денежки старикъ не потому, что сребролюбивъ, а просто находить, по своей *системѣ*, *несвойственнымъ* тратить на предметы незнакомой ему роскоши. Помогать-же бѣднымъ сосѣдямъ и въ особенности крестникамъ и крестницамъ считаетъ дѣломъ весьма *свойственнымъ*. Племянникамъ-же своимъ давно уже объявилъ, что *система* его—трудиться и приобрѣтать для нихъ и дѣтей ихъ. Вотъ скряга—по мнѣнію многихъ, а по моему—человѣкъ достойный уваженія. Старикъ радъ случаю поболтать и нашелъ во мнѣ внимательнаго и терпѣливаго слушателя; удовольствіе встрѣтить правдиваго и честнаго человѣка становится столь рѣдкимъ, что оно сильнѣе мелкихъ неудобствъ и отсутствія комфорта, сопряженныхъ съ этимъ визитомъ. Сальная свѣчка догораетъ. Камердинеръ въ кожухѣ не заботится о замѣнѣ ея другою, должно быть *система* такая; а потому, не желая нарушать домашняго порядка, спѣшу воспользоваться огаркомъ, раздѣваюсь и ложусь спать. Въ это время явился человѣкъ пять

мужиковъ съ дубинами и расположились почевать на полу въ гостиной. Оказалось, что это ежедневный нарядъ, являющийся для охраненія дома помѣщика и его туго набитаго сундука.

Понедѣльникъ 1 декабря. На возвратномъ пути заѣхалъ къ описанному уже мною прежде исправнику Поп—му, гдѣ долженъ былъ застать бумаги, присланныя на мое имя. Самого исправника и писмоводителя не засталъ дома; говорятъ—прибудутъ къ вечеру. Нечего дѣлать, остаюсь ждать ихъ. Кончилось тѣмъ, что они не пріѣхали, и я проскучалъ въ одиночествѣ половину дня и вечеръ. Домъ помѣщичій въ ожиданіи господъ представляетъ зрѣлище весьма неутѣшительное. Домашняя прислуга и животныя, пользуясь совершенною свободою, позволяютъ себѣ всякаго рода изъясненія радости. Шумъ, хохотъ, бѣготня съ припрыжкой, вездѣ безпорядокъ, комнаты не замечены и не топлены,—вотъ что можно ожидать въ домѣ, пріѣхавъ въ отсутствіе господъ. Даже мыши, пользуясь этими безпорядками, вели себя весьма дерзко. Какъ предусмотрительный путешественникъ, я возу съ собою укротительныя орудія для всякаго рода животныя. Мышеловки и персидскій порошокъ явились наъ сундука, и мои непріатели вскорѣ рассказали въ своей дерзости. Отъ скуки я настроилъ массу бумагъ для разныхъ мѣстъ и лицъ и набросалъ необходимыхъ замѣтки къ проекту освобожденія крестьянъ въ нашемъ уѣздѣ. Послѣ ужина только вспомнилъ я, что въ домѣ есть фортепіано. Спрашиваю у мѣстныхъ властей—можно ли поиграть. Сдѣлайте милость, отвѣчаютъ власти, обрадованныя случаю еще увеличить шумъ и гамъ. Такъ окончилъ вечеръ. Благодаря персидскому порошку и мышеловкѣ, я спалъ очень хорошо, а въ 9 часовъ утра двинулся въ путь.

Въ домѣ помѣщика Ю—го засталъ я гостей, которые при моемъ появленіи разбѣжались. Вскорѣ увидѣлъ я все это общество, чрезъ полурастворенную дверь, въ сосѣдней комнатѣ, вокругъ стола, занятымъ игрою въ лото. Два отрока, еще не сложившіеся, въ длиннополыхъ сюртукахъ, въ родѣ семинаристовъ, перешептывались съ

двумя барышнями, а какая-то уродливая дама съ большимъ нахальствомъ старалась привлечь къ себѣ одного изъ юношей, говоря ему разные комплименты. Юноша, наконецъ, попалъ въ ловушку и, покинувъ барышню, сталъ шептаться съ уродливою дамою, безпрестанно крадясь отъ ея комплиментовъ. За обѣдомъ я рассмотрѣлъ поближе это общество и убѣдился, что не ошибся въ своихъ наблюденіяхъ. Отроки и барышни только переглядывались, а безобразная дама продолжала мерзословить, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, рассказывая пошлые анекдоты и разжигая любопытство привлеченнаго ею отрока. Къ этому всему прибавьте прислугу, состоящую изъ двухъ дюжихъ деревенскихъ дѣвокъ, въ малороссійскомъ неглиже, подававшихъ намъ блюда, упирался безъ церемоніи животами въ ваши спины, и тогда составитъ полная картина—милыхъ деревенскихъ порядковъ. Не смотря на все это, приемъ хозяина былъ мнѣ по сердцу, потому что я видѣлъ въ немъ радшіе и удовольствіе. Насилу увѣрилъ я добряка, что не могу оставаться ночевать, имѣя предъ собою въ двухъ верстахъ нѣсколько деревень, въ которыхъ успѣю еще сегодня побывать.

Въ слѣдующемъ имѣніи, къ сожалѣнію моему, не засталъ владѣльца, моего добраго знакомаго, а только жену его, весьма любезную и умную даму. Программы крестьянской мы не отыскали, а потому вечеръ проведенъ былъ въ бесѣдѣ и за фортепіано. На другой день утромъ пріѣхалъ я къ помѣщику Ам—му, моему товарищу по гимназій. Юноша въ то время общалъ много,—во нехорошаго и при этомъ имѣлъ весьма посредственное состояніе. Теперь нахожу этого юношу въ видѣ богатаго и образцоваго помѣщика. Въ имѣніи его оказались всѣ нововведенія. Паровой винокуренный заводъ, всякаго рода земледѣльческія машины, и даже швейная машина, работающая не только одѣяніе для прислуги, но и господское платье. Пріятель занимается фотографіей и воспитываетъ ручнаго волка. Одну непростительную глупость совершилъ предпримчивый помѣщикъ, купивъ недавно и переведши въ свое имѣніе крестьянъ, изъ Орловской губерніи

не смотря на возникшую уже мысль объ освобожденіи. Теперь крестьяне эти бунтуютъ, ходятъ жаловаться генералъ-губернатору, навлекають слѣдствія и т. п. Кажется, въ этой спекуляціи товарищъ мой сильно промахнулся.

Затраченный капиталъ не успѣетъ дать ожидаемыхъ процентовъ. Осмотрѣвъ всѣ затѣи моего стараго товарища, я поспѣшилъ убраться изъ имѣнія, чтобы своимъ присутствіемъ не возбудить какихъ-нибудь новыхъ выходовъ со стороны недовольныхъ крестьянъ.

Подѣбжая къ имѣнію, значившемуся на моемъ планѣ — помѣщичьимъ, я удивленъ былъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. Вмѣсто бывшей тамъ еще недавно грязной деревушки, взорамъ моимъ представилась новая нѣмецкая колонія. Сотня домовъ каменныхъ по обѣ стороны улицы ограждены заборами и при нихъ начаты сады и огороды; колодезь почти у каждого двора. Эта метаморфоза заставила меня призадуматься. Человѣкъ подозрительнаго характера усмотрѣлъ-бы какой-то заговоръ въ этомъ странномъ распространеніи нѣмецкихъ колоній въ нашемъ краѣ. Ежегодно колонисты покупаютъ помѣщичьи земли, платятъ за нихъ самыя дорогія цѣны и какъ-бы поощбствомъ создаютъ благоустроенныя колоніи—въ родѣ городковъ. При такомъ ходѣ вещей, когда-нибудь весь край заселенъ будетъ нѣмцами—и дай Богъ, чтобы они всегда держали себя также смиренно какъ въ настоящее время.

Посѣтивъ нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, къ вечеру добрался я до деревушки—и, предполагая здѣсь переночевать. Незнакомый мнѣ помѣщикъ Т—ій встрѣтилъ меня радушіемъ и съ вѣжливостью паркетнаго человѣка. Незамедленно явиться къ семейству, по видимому безъ всякихъ особыхъ туалетныхъ приготовленій,—весьма рѣдкій случай въ деревенской жизни. Двѣ дѣвицы очень красивыя и съ хорошимъ образованіемъ, бойко вмѣшивались въ общій разговоръ по различнымъ предметамъ. Семейство, видимо не имѣя часто случая показать свои таланты и высказаться, засыпало меня вопросами, перебивая другъ друга. Не замедлилъ явиться и гость,

молодой сосѣдъ. Тогда разговоръ еще болѣе оживился и начались музыкальныя испытанія. Сестры старались перещеголять другъ друга. Дошла очередь и до меня. Послѣ нѣсколькихъ пропѣтыхъ романсовъ, я получилъ похвалы и приглашеніе погостить подольше. На это я объяснилъ почтенному семейству, что путешествую не для удовольствія, а по службѣ общественной; притомъ спѣшу покончить дѣла, чтобы поскорѣе вернуться домой къ женѣ и дѣтямъ. Послѣ этого заявленія барышни не настаивали болѣе, чтобы я оставался. Пособивъ помѣщику составить отвѣты на программу, мы, отпразднели спать, а утромъ я выѣхалъ къ сосѣду за 5 верстъ.

4 декабря. Приѣхалъ къ бывшему исправнику Ск—у. Къ удивленію, засталъ въ домѣ кучу гостей, помѣщиковъ-сосѣдей, къ которымъ я долженъ также заѣхать. Этотъ сюрпризъ избавлялъ меня отъ труда посѣщать каждого изъ нихъ отдѣльно, чему я весьма обрадовался. Но все-же не могъ объяснить себѣ этого сюрприза, вовсе не предполагая, чтобы онъ былъ устроенъ собственно для меня. Обращаясь къ хозяину съ вопросомъ, что означаетъ этотъ съѣздъ, столь для меня пріятный и полезный. „А, вотъ, сегодня моя жена именинница“ (Варвара), отвѣчалъ хозяинъ, указывая на молодую даму въ голубомъ платьѣ. Г-нъ С—въ, уже пожилой человѣкъ и вдовецъ, недавно женился во второй разъ на молодой и красивой женщицѣ. Разумѣется, я поспѣшилъ поздравить именинницу и извиниться, что пожаловалъ незванымъ гостемъ и въ дорожномъ костюмѣ. Хотя, по случаю траура въ домѣ (смерти первой жены), танцевъ не было, не смотря на это, общество веселилось вдоволь. Играли на фортепiano, на бильярдѣ и на зеленыхъ столахъ. Маменьки съ нетерпѣніемъ ожидали очереди для своихъ дочекъ, чтобы выказать ихъ музыкальные таланты, и съ завистью смотрѣли на успѣхъ другихъ. Главнымъ судьей былъ я, какъ человѣкъ, по ихъ мнѣнію, свѣтскій и отчасти музыкантъ. Въ этой роли я долженъ былъ прискивать разнообразныя выраженія для похвалы каждому субъекта, не обижая достоинствъ другого; роль довольно трудная. Въ свою оче-

редь, я сыгралъ нѣсколько полекъ и спѣлъ нѣсколько модныхъ романсовъ. Публика осталась весьма довольна, а юнши-провинціалы, принимая слова романсовъ на свой счетъ, выразительно поглядывали на барышень и покручивали усы. Нужно отдать справедливость барышнямъ въ томъ, что онѣ были очень хорошенккія и представляли собою прекрасный цѣтничекъ, хотя нѣсколько въ китайскомъ вкусѣ. Въ особенности одна блондинка, 16 лѣтъ, была очень интересна и оказалась моей кузиной по духовному расчету, т. е. крестницею моей матушки. Кузину эту я тотчасъ взялъ подъ свое покровительство и далъ понять какъ ей, такъ и ухаживавшимъ за нею кавалерамъ, что многія, по ихъ мнѣнію, любезности (пожиманіе ручекъ) и шуточки съ неприличными намеками не могутъ быть допускаемы въ порядочномъ обществѣ. Барышни тотчасъ-же поняли справедливость моихъ замѣчаній и перемѣнили свое обращеніе съ кавалерами; зато кавалеры сильно разсердились на меня, говоря, что я въ одинъ часъ испортилъ всѣ дѣла ихъ и теперь барышни смотрятъ на нихъ другими глазами. Въ промежуткахъ увеселеній, я успѣлъ переговорить съ помѣщиками относительно программъ и передать имъ все, что было мнѣ извѣстно по настоящему дѣлу. Всякому извѣдавшему на именины къ нашимъ помѣщикамъ извѣстно, какъ проводятъ время въ подобныхъ случаяхъ. Явства слѣдовали одна за другими до поздней ночи; и когда деревенскій этикетъ не нашелъ болѣе ничего, чтобы подать на столъ — публика стала развѣзжаться, а я остался почевать, не имѣя желанія пуститься въ дорогу въ мятелъ и потомъ переночевать гдѣ-нибудь подъ стогомъ сѣна въ степи. Пожелавъ хозяевамъ покойной ночи, я отправился въ указанную комнату, гдѣ нашелъ готовую постель со всѣмъ необходимымъ и, заперевъ двери, приступилъ къ раздѣванію. Едва успѣлъ я снять сюртукъ и завести часы, какъ услышалъ весьма явственно говоръ женскихъ голосовъ. Убѣдившись, что двери всѣ заперты и стѣны капитальныя, я не могъ себя объяснить, откуда слышенъ былъ такъ явственно этотъ говоръ. Но такъ какъ рѣчь шла

о хозяйственныхъ и кухонныхъ распоряженіяхъ, изъ чего я заключилъ, что говорятъ ключница или экономка, то, не интересуясь этими подробностями, пересталъ слушать и началъ молиться. Черезъ нѣсколько минутъ, другой женскій голосъ отозвался и началъ критиковать гостей, при чемъ безпрестанно повторялъ мою фамилію. Тутъ уже никакъ нельзя было продолжать молиться. Я поскорѣ перекрестился и приготовился закашлять, чтобы этимъ дать знать сосѣдкамъ о своемъ присутствіи. Но уже было поздно! Второй голосъ, кажется, хозяйки дома, успѣлъ высказать столько, что мнѣ совѣстно было сконфузить ее, подавши видъ, что слышу весь разговоръ. Поневолѣ, я долженъ былъ выслушать разныя сплетни на счетъ всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ, а также кое-что и на свою долю. Началъ я внимательно всматриваться, по какимъ акустическимъ правиламъ звуки доходили до меня такъ ясно. Обошелъ на цыпочкахъ всю комнату и, наконецъ, поднявъ голову вверхъ, замѣтилъ, что надъ печью, раздѣлявшею двѣ комнаты, было пустое пространство въ аршинъ вышины и, слѣдовательно, оттуда слышенъ былъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты. Поблагодаривъ судьбу за то, что я былъ одинъ въ своей комнатѣ, а то иначе могъ-бы и самъ попасться въ просакъ, какъ мои сосѣдки, я мысленно выбранилъ хозяйку за такую неосторожность въ архитектурномъ отношеніи и старался безъ шума улечься въ кровать. Даже свѣчку задуть было опасно, до того явственно слышенъ былъ малѣйшій шелестъ. Поэтому, я рѣшился потушить свѣчку пальцами. Но увы! Когда свѣтлый кругъ на потолкѣ сосѣдней комнаты, уже темной, исчезъ послѣ потушенія моей свѣчки, сосѣдки догадались въ чемъ дѣло. Тогда я услышалъ подъ-одѣяльный шепотъ, свидѣтельствовавшій объ ужасѣ, обуявшемъ неосторожныхъ болтушекъ.

На другое утро предстали онѣ предъ мною, какъ предъ грознымъ судьей, ожидая замѣчаній и насмѣшекъ. Частью изъ вѣжливости, а частью изъ сожалѣнія, я удержался отъ всякихъ намековъ на ночные разговоры, оставивъ бѣдныхъ жертвъ случая только въ сомнѣніи.

Въ слѣдующемъ домѣ я разсказаль этотъ случай, собственно для того, чтобы предупредить хозяина дома на будущее время. Не смотря на всѣ разспросы любопытныхъ, въ особенности дамъ, о томъ, что говорилось, я воздержался рѣшительно отъ передачи сплетенъ, которыя могли-бы перессорить половину уѣзда. Покончивъ дѣла по тому-же крестьянскому вопросу, я передъ вечеромъ выѣхалъ въ послѣдній пунктъ моей поѣздки. Стало вечерѣть и пустился снѣгъ. Сильный сѣверный вѣтеръ сталъ замечать дорогу, недавно еще пробитую по выпавшему снѣгу, и наконецъ, совершенно закрылъ ее. Стемнѣло окончательно, и двигаясь шагомъ, я руководствовался компасомъ, освѣщая его огнемъ сигары. Черезъ нѣкоторое время мятель приутихла, и показался какой-то слѣдъ, вродѣ дорожки, по которой мы пустились ѣхать, предполагая, что она приведетъ къ какому-нибудь жилью. Лошади остановились передъ какимъ-то рвомъ, и оказалось, что мы подъѣхали къ степному току, на которомъ остался неубранный стогъ старой соломы. Я вышелъ изъ экипажа, чтобы лично убѣдиться въ чемъ дѣло, и пройдя нѣсколько шаговъ по рву, вернулся, сѣлъ въ экипажъ и, уже руководствуясь компасомъ, добился наконецъ сосѣдней деревушки, — которая оказалась принадлежащею моимъ старымъ знакомымъ — Яс—б—мъ. Здѣсь засталъ я всю семью, состоящую изъ старика-отца, жены его и двухъ прехорошенькихъ дочекъ, изъ коихъ одна моя крестная кузина, о которой я говорилъ уже, описывая имянины у Г. Со—ва. Все это общество приготовлялось садиться за ужинъ. Недоставало еще племянницы и друга дома, извѣстнаго подъ именемъ пана Леона, отправившагося на охоту—въ засѣдку на волковъ. Спустя нѣкто-

рое время, явился и панъ Леонъ. На разспросы объ охотѣ онъ разсказаль, что сидя подъ стогомъ старой соломы онъ ждалъ прихода волковъ къ выставленной падали. И дѣйствительно, одинъ волкъ показался на канавѣ и хотя онъ прицѣлился въ него, но въ виду дальняго разстоянія, не выстрѣлилъ, поджидая, чтобы волкъ подошелъ поближе. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, вѣроятно проѣхалъ становой — и волкъ удалился. Оказалось, что панъ Леонъ меня принялъ за волка и что я рисковалъ быть подстрѣленнымъ. На другой день вся семья должна была отправиться опять къ бывшему исправнику Сок—ву, на имянины сына—Николая, но продолжавшаяся мятель удержала всѣхъ дома. Къ обѣду пріѣхалъ сосѣдъ, молодой человекъ, тоже *Николай* — Гоф—нъ и въ честь его былъ поданъ пирогъ. Барышни хорошо играли на фортепiano, а панъ Леонъ тотчасъ-же подхватывалъ на скрипичѣ, причемъ старикъ, тоже музыкантъ, постоянно конфузиль его, повторяя: — *Леонъ, бал-шувешь!*

Не смотря на пріятное общество и гостепріимство хозяевъ, а также на продолжавшуюся мятель, я пустился въ дорогу по нашимъ степямъ, надѣясь на Всевышняго, чтобы съ помощью компаса добраться какъ-нибудь домой къ ночи. Оставалось проѣхать всего 15 верстъ. Но кто ѣздилъ по нашимъ степямъ въ страшную мятель, тотъ пойметъ всю дерзость моего поступка. Острый сѣверный вѣтеръ, залѣплялъ снѣгомъ глаза кучеру и лошадямъ. Дорога дѣлалась все менѣе и менѣе замѣтною. Наконецъ, подъѣхавъ къ этому мѣсту, гдѣ она расходилась въ разныя стороны, я принужденъ былъ остановиться и серьезно подумать о предстоящей опасности провести ночь въ степи при усиливающемся вѣтрѣ и

морозѣ. Къ счастью, послышался лай собакъ и двигаясь по этому направленію, мы наткнулись на корчму на моей-же степи. Здѣсь я взялъ двухъ верховыхъ проводниковъ, которые, однако, вскорѣ сами сбились съ дороги и неизвѣстно куда дѣлись. Только руководствуясь компасомъ, я дотащился

къ свѣту къ своему имѣнію и, благодаря Всевышняго, благополучно окончилъ свою миссію по работамъ приготовительнымъ. Теперь предстоитъ отправиться въ губернскій городъ Херсонъ и тамъ въ комитетѣ выработать основы для введенія крестьянской реформы въ нашей губерніи.

О. Ч—чъ.

